

Н. Л. Жуковская

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В МОНГОЛЬСКИХ ЭТНОНИМАХ

Этнонимы Монголии весьма разнообразны по своему происхождению. Этноним *баргуты*, например, является производным от аналогичного топонима и отражает, вслед за топонимом, особенности первоначального места обитания данного народа (Баргалжан — глухая, лесистая местность, баргуты — жители местности Баргалжан)¹. Наименование этнографической группы *халха-эльджигенов* (т. е. длинноухих халха) некоторые исследователи возводят к прозвищу их правителя² и т. д. Вместе с тем большое количество монгольских этнонимов представляет собой наименование ряда социальных групп, этнически неоднородных по происхождению, но закрепивших в ходе истории за собой право на определенную национальную специфику. О таких этнонимах и пойдет речь в данном сообщении.

Значительная часть этих этнонимов восходит к эпохе Чингисхана. Проводимая им по отношению к покоренным народам политика включала в себя дробление уже сложившихся этносов и расселение их по другим инородным объединениям. Эта политика сочеталась с военной реформой, создавшей, по сути дела на совершенно новых началах, боеспособную монгольскую армию (новым было введение вместо прежней родо-племенной структуры армии четких воинских подразделений — десятков, сотен, тысяч, тем — во главе с определенными начальниками — десятниками, сотниками, тысячниками, темниками, подчинявшимися централизованной дисциплине). Эта военно-административная реформа позволила кочевникам, не имевшим в недавнем прошлом и понятия о государственном устройстве, создать, хотя и ненадолго, мощную кочевую империю³.

Созданная Чингисханом система государственного управления немало содействовала разрушению прежних родо-племенных связей и в среде самих монголов. Если в дочингисовы времена в междоусобной борьбе отдельных ханов побеждал один из них и возносил себя над другими, то вместе с ним возносились и его соплеменники, в то время как остальных ожидала участь покоренных врагов (унижение, дань и т. д.). Система государственного управления Чингисхана базировалась не на родо-племенных связях, а на реальных заслугах отдельных лиц перед ханом и на проявленной ими воинской доблести. Система наград и поощрений играла значительную роль в государстве как самого Чингиса, так и Чингисидов. Форма, в которую облекались эти награды, стала знаком социального отличия, и обладатели их со временем образовали определенные социальные группы. Будучи этнически разнородными вначале, эти группы позднее приобрели определенную этническую специфику и обособленность, а наименования этих групп превратились в этнонимы. Примеров тому достаточно.

Словом *дархан* — священный, неприкосновенный — со времен Чингиса обозначались люди, особо отличившиеся перед ханом. Это был почетный титул — награда за за-

¹ См.: Т. А. Бертагаев, Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум, сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 173—174.

² Х. Ц. Ральдин, Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики, сб. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1968, стр. 16.

³ Л. П. Лашук, О характере классовообразования в обществе ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7, стр. 120—121.

слуги, которой удостаивались ближайшие соратники и дружинники хана. Могли, хотя и редко, стать дарханами и араты. Этот титул освобождал его носителя от всех видов феодальных повинностей⁴. В качестве примера можно привести эпизод из «Сокровенного сказания», где Чингисхан жалует земли меркитов по Селенге в «дарханное кочевье» своему сподвижнику Сорхан-Шира и его сыновьям⁵. Титул дархана, дававшийся Чингисханом и Чингисидами, был наследственным. Предоставляемые им права распространялись и на потомков, число которых росло от поколения к поколению. На определенном этапе носители этого социального титула начинали осознавать себя как этническую общность. Исторические сведения не дают возможности проследить механизм этого процесса. Поэтому пока всякие предположения в этой области могут носить лишь гипотетический характер. Возможно, что в этническую группу превращались разросшиеся за несколько поколений потомки первоначального носителя титула. Они обростали посредством браков большим количеством новой разноплеменной родни, для которой определенный смысл заключался в забвении своего прежнего этнического обозначения во имя нового, социального, сопровождавшегося определенными материальными и моральными льготами. Одни владельцы дарханной земель могли по тем или иным причинам исчезнуть в ходе истории, в междоусобной борьбе ханов за власть. Другие, породнившись или вступив в союз, могли слить свои владения и объединить усилия в борьбе за сохранение наследственных прав и льгот. В этих случаях социальный титул становился знаменем, под которым сплачивались все его носители, и передаваемый из поколения в поколение он превращался из социального самоназвания в этническое. Ныне потомки дарханов — дархаты численностью в несколько сотен семей проживают в местечке Эджен-хоро автономного района Внутренняя Монголия в КНР и являются хранителями реликвий Чингисхана⁶.

Этнонимом *дархаты* обозначается также группа населения, выделенная в XVII в. светскими князьями в личное владение Ундур-гэгэну, первому ламаистскому иерарху Монголии. Они были названы *дархатами*, т. е. неприкосновенными, в знак освобождения от феодальных повинностей в пользу светских князей, но зато превращены в *шабинаров* — личных крепостных главы ламаистской церкви и его канцелярии⁷. Потомки дархатов-шабинаров проживают ныне компактной массой в Хубсугульском аймаке МНР. Их численность 8 тыс. чел. (по данным 1965 г.)⁸.

Дархаты Эджен-хоро и дархаты Прихубсугуля — разные этнические группы. Если первые в основе своей представляют искусственное образование, то вторые имеют сложную этническую историю, тесно связанную с историей их соседей — урянхайцев, ойратов, халхасцев, бурят. Этнографические и лингвистические исследования показали, что основу дархатов Прихубсугуля составили впоследствии омонголившиеся урянхайцы, испытавшие к тому же влияние со стороны тунгусов⁹. До XVII в., когда они были объявлены шабинарами ургинского хутухты и дархатами, единого самоназвания у них не было. Именовали они себя, очевидно, по названиям родов. Приводимый Г. Д. Санжеевым фольклорный материал показывает, что они во всяком случае четко ограничивали себя от халхасцев и ойратов¹⁰.

⁴ См. комментарий С. Д. Дылыкова в кн.: «Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в.», М., 1965, стр. 105. Тот же термин в форме *тархан* в аналогичном значении был известен и тюркским народам. Связанные с ним правовые наследственные льготы закреплялись особой тарханной грамотой (ярлыком). Подробную сводку европейских и мусульманских источников, в которых имеется объяснение термина *тархан* и тех форм, которые приняло тарханство у тюркских народов Поволжья, Крыма, Средней Азии, Турции и т. д., см.: С. М. Шапшал, К вопросу о тарханских ярлыках, сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 302—316.

⁵ «Сокровенное сказание», М.—Л., 1941, стр. 167.

⁶ Состояние этих реликвий и вопросы, связанные с культом Чингисхана, подробно рассмотрены в работах: Ц. Жамцарано, Культ Чингиса в Ордоце, «Central Asiatic Journal», vol. VI, № 3, 1961; С. Д. Дылыков, Эджен-хоро, сб. «Филология и история монгольских народов».

⁷ С. Бадамхатан, Дархаты (историко-этнографическое исследование), Автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 1.

⁹ См.: Г. Д. Санжеев, Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г., Л., 1930; его же, Дархатский говор и фольклор, Л., 1931; С. Бадамхатан, Указ. раб.

¹⁰ Г. Д. Санжеев, Дархаты, стр. 8—12.

Наименование живущего во Внутренней Монголии племени *кешигтен* (*kesigten*) восходит к монгольскому *kesig* — очередь, караул¹¹, т. е. знаменитой гвардии Чингисхана.

Эта гвардия, вначале небольшая по размеру (80 человек — ночная стража и 70 — дневная), после 1206 г., когда власть окончательно сосредоточилась в руках Чингисхана, была увеличена до 10 тысяч человек¹². Гвардия состояла из сыновей ноионов — темников, тысячников, сотников и десятников, а также из сыновей свободных людей, достойных состоять в гвардии «как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости»¹³.

Любопытна еще одна социальная категория, превратившаяся в этническое образование, — *онгу-боголы*. Э. Р. Рыгдылон считает, что термины *онгу-богол* и *утэгу-богол* идентичны¹⁴; и то и другое означает «раб божий», «раб, посвященный божеству» (онгон — дух, божество в шаманстве и дошаманских культах, Утэгэн — божество земли у монголов). Относительно утэгу-боголов Рашид ад-Дин пишет следующее: «Значение (наименование) утэгу-богол то, что они являются рабами и потомками рабов предков Чингиз-хана. Некоторые из них во время Чингиз-хана оказали последнему похвальные услуги и тем самым утвердили свои права на его благодарность. По этой причине их называют утэгу-богол»¹⁵. Ввиду идентичности понятий *онгу-богол* и *утэгу-богол* в данном отрывке вместо второго термина везде можно подставить первый.

Далее. У того же Рашид ад-Дина есть еще одно примечательное с точки зрения рассматриваемого вопроса место: «Говорят, что Чингиз-хан сделал онгоном (т. е. посвятил онгону. — Н. Ж.) одного человека из племени баарин подобно тому, как делают онгоном коня и других животных, т. е. никто на него не будет притязать и он будет свободным и тарханом»¹⁶.

Посвящение животных онгону — широко распространенный обычай в шаманстве монголов и народов Южной Сибири. Посвященное онгону животное считалось неприкосновенным, его не использовали в хозяйстве, оно не могло быть съедено или продано¹⁷.

Очевидно, смысл посвящения людей онгонам был тот же. Они освобождались от всяких повинностей и превращались в свободное привилегированное сословие, которое составляло опору ханской власти¹⁸.

Б. Я. Владимирцов придерживается иной точки зрения на онгу-боголов, рассматривая их как искаженное унаган-богол (*unagan-bogol*) — крепостной, раб, где богол имеет значение не столько раба в общепринятом смысле этого слова, сколько вассала. Онгу-боголы сохраняли свое имущество, пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли господам. Онгу-боголы оказывались подчиненными не одного лица, а целого рода или его ветви. Они не теряли между собой родовой связи, жили родовой жизнью, родовым бытом, как и их владельцы. Служба их владельческому роду заключалась в том, что они должны были кочевать со своими владельцами, образуя по их указанию курени и айлы, быть загонщиками и подготавливать дичь во время облавных охот. Часто отношения между владельцами и онгу-боголами настолько сглаживались, что начинали напоминать отношения двух союзных близких родов. Они вступали меж собою в браки, из онгу-боголов выходили друзья и сподвижники членов владельческого рода. Сюзерен и крепостные вассалы — таков характер этих отношений¹⁹. Таким образом, исходная позиция Б. Я. Владимирцова совершенно иная — он

¹¹ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud* — феодальный термин и племенное название, «Доклады АН СССР», серия В, № 12, Л., 1930, стр. 222.

¹² «Сокровенное сказание», стр. 168, 169.

¹³ Там же, стр. 168.

¹⁴ Э. Р. Рыгдылон, О монгольском термине онгу-богол, сб. «Филология и история монгольских народов», стр. 168.

¹⁵ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 15.

¹⁶ Там же, т. I, кн. 1, стр. 188.

¹⁷ См. Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936.

¹⁸ Э. Р. Рыгдылон, Указ. раб., стр. 171.

¹⁹ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 64—68. Э. Р. Рыгдылон отвергает эту точку зрения Б. Я. Владимирцова, ссылаясь на отсутствие в древних и средневековых монгольских письменных источниках термина унаган-богол, и считает, что последний некритически отнесся к толкованию этого термина И. Н. Березиним (Э. Р. Рыгдылон, Указ. раб., стр. 168). Вопрос о том, что собой

считает первичным род, вторичным — то социальное положение, в которое он попадал. И в том и в другом случае этноним и социальное обозначение употреблялись на равных основаниях по отношению к одной и той же родственной группе людей.

Ряд этнонимов восходит непосредственно к обозначению отдельных войсковых частей и подразделений, установленному Чингисханом и просуществовавшему на протяжении нескольких веков в дальнейшем. Этот вопрос поднят в совместном докладе Г. Г. Стратановича и У. Э. Эрдниева на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. В их докладе приведены следующие примеры: *торгуты* (производное от *торгууд*) — наименование дневной стражи монгольских ханов XIII в., охрана ставки, дворца; *хошуты* — передовая часть войска, острие, клюв, авангард (от *хошуурах* — двигаться вперед клином); *дэрбэты* — построены по четыре в каре (от *дөрөв*, *дөрвөн* — четыре); *чорос* (*цорос*) — одиночный отряд (от *цор* — один, совершенно один); *хойты*, влившиеся у калмыков состав *хшутов* (от *хойт* — северный, задний), — северная, задняя часть войска, арьергард²⁰; *Эюнга* (*Джунга*), ставшее позднее этнонимом по отношению к населению Джунгарии, вначале означало левое крыло монголов, поставлявших Чингисхану войска (*зуун* — левый, *зуун гар* — левая рука)²¹. В связи с этим уместно вспомнить, что, согласно одной из точек зрения, этноним *калмык* переводится с монгольских языков как «смесь», «смешанный» (от *хальмг* — смешанный)²². С военно-административным делением этот этноним не связан, но зато отражает специфику той группы западных монголов, которая в XVII в., отделившись от соотечественников, нашла свое пристанище в России.

Сравнительно легко прослеживается этимология еще ряда этнонимов. *Баяты-баиты* (*bayatud*) — название одного из ойратских поколений, этимологически восходящее к множественному числу от *bayatug* — богатырь (почетное наименование вождя клана)²³, а также сильного и храброго воина-дружинника. В составе *дэрбэтов* и *торгутов* есть род, который носит название *кэтченер* (*kötčingr*)²⁴. Его наименование восходит к множественному числу от *kötči* — *köteči*, что значит «конюший», «стремянный»²⁵.

Этнонимы *чахары* и *ордосцы* (основная масса их носителей проживает в автономном районе Внутренняя Монголия, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и провинции Ляонин и входит в состав монголов КНР) также восходят ко временам Чингисхана. *Чахары* (от *чахар* — слуга, свита при хане, князе) со временем из потомственных телохранителей превратились в этническую группу. *Ордосцы* — собирательное наименование жителей *Ордоса*, делившихся на восемь отоков, восходит к приближенному хана, обитавшим при его ставке (*ордо* — ставка, *юрта* знатного лица).

Любопытна история этнонима *онгист* — *огюит* (*ongniyud*) и его носителей, прослеженная Б. Я. Владимирцовым. Монгольским термином *онг*, равнозначным китайскому «ван», назывались в XIII—XVII вв. потомки братьев Чингисхана. Их подданные обозначались термином *ongliyud*, где суффикс *liy* (*lig*) означает знак принадлежности к чему-либо, переводившимся «относящиеся к ванам». Термин *огюиты*, таким образом, вначале обозначал сословие, включавшее в себя разные группы привилегированных классов, а позднее превратился в этноним²⁶.

Интересна судьба монгольского феодального термина *пöküg* (воин, слуга, приближенный монгольского вождя), который, совершив путешествие через персидский и кип-

представляют унаган-боголы как социальный институт, очень сложен и по нему нет единой точки зрения в монголоведении. Точку зрения Б. Я. Владимирцова разделяют А. Н. Бернштам и Л. Л. Викторова. См.: А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок, М.—Л., 1946, стр. 126; Л. Л. Викторова, Становление классового общества у древнемонгольских кочевников, сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 570.

²⁰ Г. Г. Стратанович, У. Э. Эрдниев, Опыт социальной терминологии, М., 1964, стр. 9—10.

²¹ «Древнемонгольские города», М., 1965, стр. 15.

²² В. П. Дарбакова. Еще раз к этимологии этнонима «хальмг» (калмык), сб. «Этническая история и современное национальное развитие народов мира», М., 1967, стр. 31.

²³ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud*..., стр. 222.

²⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 204.

²⁵ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud*..., стр. 223.

²⁶ Там же, стр. 218—223.

чакский язык, попал в венгерский в качестве этнонима, обозначающего один из народов, находившихся под властью королей Белы IV и Ласло IV. В немецких средневековых источниках он встречается в форме *piugoege*, в латинских — *peuge(a)g*. Ю. Немец вслед за А. Вамбери возводит его к монгольскому *pökür*²⁷. В современном монгольском языке это слово употребляется в значении друг, товарищ, а также супруг. Попало оно и в русский язык: нукер — служитель, отрок при господине, телохранитель — такое толкование этому слову дает В. Даль²⁸.

В переписи населения МНР 1959 г. уже не фигурирует этноним *захчины*²⁹. Тем не менее, судя по полевым исследованиям монгольских и советских этнографов — С. Бадамхатана, Х. Ральдина, В. Дарбаковой, он продолжает бытовать в качестве самоназвания у соответствующей группы населения.

История этнонима *захчин* такова. Правящая Китаем и Монголией маньчжурская династия Цин в конце XVII — начале XVIII в. провела в Монголии ряд реформ с целью ослабления и подрыва изнутри единства подвластного ей народа. Для этого была проведена административная перегруппировка уже сложившейся системы феодальных владений. Прежнее деление на улусы, отоки, хошуны и аймаки, сложившееся при первых Чингисидах, было заменено только на аймаки и хошуны. Число последних основательно росло за счет постоянного дробления уже имеющихся и отдавалось маньчжурским двором во владение выслужившимся перед ним князьям. Указом 1691 г. было проведено распределение аратских семей между владетельными князьями всех рангов. Кроме того, из среды монголов были выделены определенные социальные группы, обязанные нести какую-либо повинность в пользу императорского двора: уртонную службу, охрану границ и т. д. Этнический принцип при выделении таких групп опять-таки не всегда соблюдался. На сей раз Монголия стала ареной проведения той политики, которую монгольские правители сами проводили когда-то по отношению к завоеванным народам. Так появились *захчины* — «окраинные», несшие пограничную службу вдоль западных границ маньчжурских владений. Их социальное обозначение стало этнонимом.

Таким образом, довольно значительная группа монгольских этнонимов восходит к социальной терминологии монгольского феодального общества, отражающей его определенные структурные изменения, санкционированные властью правителей. Разумеется, не всякую социальную группу ожидала подобная судьба. Специфические исторические условия (длительная замкнутость, обособленность, зачастую искусственно создаваемая), в которых оказывались эти группы, и послужила причиной превращения их из социальных групп в этнические. Процесс этот был растянут во времени с XIII по XVIII в. Отсюда сравнительно большая или меньшая древность этносов, восходящих к социальным группам монгольского общества.

²⁷ J. Németh, *Wanderungen des mongolischen Wortes nökür «Gencse»*, In: «Acta orientalia», 1953, vol. III, fasc. 1—2, S. 23.

²⁸ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, стр. 560.

²⁹ Происходящие в настоящее время в МНР процессы национальной консолидации ведут к слиянию малых народов с халхасцами, составляющими основное ядро монгольской нации. Дариганга, саргулы, халха-эльджигены и проживающие в МНР группы хорчинов, тумутов, чахаров и узумчинов практически не отделяют себя от халха. *Захчины* растворяются среди своих соседей торгутов и дэрбэтов.